

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Волшебник Земноморья	13
Гробницы Атуана	149
На последнем берегу	261
Техану	417
Сказания Земноморья	583
На иных ветрах	803
Краткое описание Земноморья	977
+ +	
Освобождающее заклание	1009
Правило имен	1017
Дочь Одрена	1029
Свет домашнего очага	1055
Земноморье, пересмотренное и исправленное	1067

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Земноморья началась в 1964 году, когда мной были написаны и изданы два первых рассказа. Ничего особенного в них не было; это, скорее, напоминало выпавший моряку шанс первым высмотреть в море парочку островов, но отнюдь не открытие нового мира. Земноморье в этих рассказах присутствует в той же степени, как обе Америки в 1492 году присутствовали на острове Уотлинга, ныне известном как Сан-Сальвадор.

Это первые истории об *островах Земноморья, о Внешних Пределах, о крупных богатых островах Архипелага, о внутренних морских путях, об акваториях пристаней, белых от обилия кораблей, о золотящихся на солнце крышах Хавнора*. Земноморье в этих рассказах уже существует, только мной оно еще не исследовано. И кое-какие упомянутые там вещи — тролли, черная магия — никогда больше не появятся. Однако по одному элементу из каждой истории будет вплетено в сложную и таинственную структуру Земноморья: в рассказе «Правило имен» — это магия, основанная на знании Истинных Имен; ну а рассказ «Освобождающее заветие» впервые позволяет заглянуть в мрачный мир мертвых.

Остальному Земноморью пришлось подождать, и лишь в 1968 году главный редактор «Parnassus Press» из Беркли спросил, не хочу ли я написать для юных читателей фантастический роман. Меня, разумеется, тут же охватила паника, но как только мне удалось с ней справиться, в голове моей тут же стала потихоньку складываться весьма пространная история о молодом волшебнике, и я, усевшись за стол, первым делом принялась рисовать карту «увиденной» мной страны, которую назвала Земноморьем. Я дала название и каждому острову этой страны, хотя пока что почти ничего об этих островах не знала. Но Имена-то их были мне известны! А в Истинных Именах и заключена магия.

Первоначально карта была нарисована на огромном листе бумаги; у меня были припасены целые рулоны такой бумаги — раздобытой, возможно, в лавке мясника, — потому что мои дети любили на ней рисовать. Та первая, невероятных размеров карта, впрочем, давно исчезла, но я успела тщательно ее скопировать, воспользовавшись более мелким и удобным масштабом; именно она приведена и в книге. Эту карту не раз тщательно воспроизводили профессиональные иллюстраторы в самых различных изданиях «Земноморья» и в разных странах мира, и, разумеется, художники делали это куда более умело, чем я.

Для меня карта имела прежде всего практическое значение. Ведь любому навигатору морская карта попросту необходима. А поскольку герои моих произведений то и дело совершали плавания с одного острова на другой, мне нужно было понять, как далеко и в каком направлении друг от друга расположены эти острова. Действие первой книги развивалось как бы по спирали от Гонта до Рока и Астоуэлла и обратно, но

все это происходило внутри Архипелага. Для второй книги карта предложила мне остров Атуан, населенный каргами. Да и потом тоже каждый раз на карте обнаруживался некий остров или некое место, где я еще не бывала, и возникали связанные с этими местами истории. Какой остров Земноморья является самым западным? Наверное, Селидор... А взгляните на остров Хавнор: он ведь достаточно велик, чтобы некоторые жители его внутренних районов и моря-то никогда не видели. Интересно, что на самом деле представляет собой та магия, которую практикуют жители острова Пальн? А что известно о большом каргадском острове Гур-ат-Гур, который находится почти так же далеко к востоку от Архипелага, как и остров Астоуэлл? Жителям Архипелага почти ничего о нем не известно. Так действительно ли на Гур-ат-Гуре когда-то жили драконы?

Мой последний рассказ о Земноморье — «Дочь Одрена» — сложился сам собой, когда я, лениво разглядывая карту, размышляла о том, какова была жизнь на острове О в давние времена. И оказалось, что в ней имеется немало любопытных совпадений с жизнью древних Микен.

Помимо изящных заставок к главам «Волшебника Земноморья», сделанных Рут Роббинс для издательства «Парнас», а также заставок, стилизованных под гравюры и выполненных Гейлом Гаррати для еще более раннего издания книги в «Атенеуме», никаких иных иллюстраций к тексту «Волшебника» вплоть до самого недавнего времени не было. Это было отчасти связано с моим собственным решением. После уникальной суперобложки, выполненной Рут для первого издания «Волшебника» — на ней был восхитительно стилизованный портрет Геда с медно-коричневым лицом, — оформление обложек практически вышло из-под моего контроля. Результаты могли быть поистине ужасающими, — например, на бумажной обложке британского издательства «Паффин» был изображен немощный, согбенный, белый, как лилия, волшебник; его сменил какой-то клоун-придурок, у которого с кончиков пальцев так и сыпались искры. Впрочем, некоторые обложки сами по себе были довольно симпатичными, хотя изящные средневековые персонажи и острова, где высились замки с островерхими башнями, не имели ничего общего с моим земным, грубоватым, насквозь просоленным Земноморьем. И разумеется, у героев не могло быть никакой медной, темно-коричневой или черной кожи — об этом вообще забудьте! Земноморье казалось прямо-таки выкупанным в отбеливателе.

Мне было по-настоящему стыдно за те обложки, которые внушали читателям абсолютно ложные представления и об этих местах, и о людях, там проживающих. Меня возмущало, когда художественные отделы издательств напрочь отвергали любое предложение изобразить на обложке кого-то или что-то, хотя бы похожее на героев или места, описанные в книге, и высокомерно информировали меня, что уж они-то ЗНАЮТ, как и что будет ПРОДАВАТЬСЯ (в том, что ему известна подобная тайна, никогда бы не признался ни один честный художник-оформитель). Издательства, выпускавшие книги в бумажной обложке, требовали неких универсальных обложек, пригодных для любых книг по фантастике; а детским книжным издательствам хотелось, чтобы на обложке ни в коем случае не было ничего такого, что хотя бы намекало на проблемы взрослых. Так что в итоге я у всех иллюстраторов отбила охоту предлагать мне свои услуги.

Но по мере того как росла репутация моих книг, мне стали все же понемногу дозволять, хотя и весьма неохотно, вмешиваться в процесс создания обложек. К этому периоду — 1991 году — относятся четыре прекрасные суперобложки, выполненные Маргарет Кодос-Ирвин для первых четырех книг о Земноморье (издательство «Атенеум»), и великолепные обложки в стиле «металлик» для двух последних книг (издательство «Харкурт»). Эти две появились благодаря редактору Майклу Кэнделу, который долго и яростно отстаивал мои интересы. Лишь через несколько лет Майкл позволил мне увидеть первоначальный эскиз той обложки, присланный ему художественным отделом: на нем был жирный зеленый дракон, явно срисованный с одного из этих хитроумных заводных динозавров; дракон сидел — совершенно как собака, выпрашивающая подачку, — и рассыпал вокруг себя искры, окутанный облаками розового пара. С этим-то драконом моему «святому Михаилу» и пришлось сражаться, и он его победил, но на это ему потребовалось несколько месяцев.

А вот к иностранным изданиям моих книг приложили руку настоящие художники. Больше всего мне нравилась обложка к шведскому изданию «Техану», на которой Ингер Эдельфельдт создал строгий, довольно мрачный и одновременно нежный двойной портрет: Тенар и Терру.

Первое полностью иллюстрированное издание «Волшебника Земноморья» с рисунками Дэвида Лаптона вышло в 2015 году в «Folio Society». Мне было позволено самой выбрать художника, а Дэвид оказался столь любезен и щедр, что прислал мне все эскизы и дал время подумать и что-то посоветовать; кроме того, он постарался по мере возможности учесть то, что я предложила. В результате сочетание наших взглядов и характеров придало Земноморью весьма мрачный облик. Мне очень нравится созданный Дэвидом портрет моего молодого протагониста, темнокожего и беспокойного; а некоторые его рисунки и вовсе вызывают у меня странное чувство и уверенность в том, что магия действительно существует.

И вот теперь, когда вышло полное издание «Земноморья», целиком проиллюстрированное Чарлзом Вессом, я могу позволить его искусству говорить самому за себя.

Я уже столько раз писала, как и почему я потратила столько времени, чтобы написать шесть книг о Земноморье, что сама история об этом превратилась в нечто вроде книги, которую вам придется читать вашему четырехлетнему малышу каждый вечер в течение многих недель. Неужели вы все-таки хотите *снова* ее услышать? Ну хорошо, тогда начнем!

Первые три книги я написала за пять лет: с 1968-го по 1972-й. Меня, что называется, несло: ни одна из книг не имела заранее ни плана, ни сколько-нибудь четкого сюжета; я просто начинала ее писать, следуя самостоятельно раскручивавшейся истории, которая неизбежно приводила меня именно туда, куда ей хотелось. Отдавать себе отчет я начала с четвертой книги. Там центральным персонажем снова должна была стать Тенар, — разумеется, во имя сохранения равновесия. И я знала, что Тенар не осталась с Огионом, чтобы изучать волшебное искусство, а вышла замуж за фермера и родила детей, а под конец этой истории они должны будут вновь соединиться с Гедом. Но уже в середине первой главы я поняла, что не знаю, кто Тенар теперь такая; не знаю ни почему она так поступила, ни что она еще должна сделать. Я не знала ни того, что случилось с ней или с Гедом за эти долгие годы, и не могла ни придумать, ни как-то

спланировать их дальнейшую жизнь. И естественно, не могла ее описать. Мне потребовалось восемнадцать лет, чтобы понять, как построить эту историю.

В 1972 году мне было сорок два; в 1999-м — шестьдесят. За эти годы тот способ восприятия общества, который мы обязаны называть феминизмом (несмотря на вопиющее отсутствие противоположного термина «маскулизм»), обрел значительно больше сторонников и почитателей. В то же время все усиливавшееся ощущение того, что в моих литературных трудах чего-то не хватает — хотя я никак не могла определить, чего именно, — буквально парализовало мое умение рассказчика. Без феминисток — писателей и философов — 1970–1980-х годов я вряд ли сумела бы разобратся, в чем тут дело; а дело было в отсутствии главного героя-женщины.

Интересно, почему это я, женщина, до сих пор писала почти исключительно о деяниях мужчин?

А как же иначе? Я ведь и сама была заядлой читательницей, я с детства много читала и очень любила те книги — черпая в них всевозможные знания, — которые составляла мне моя культура; и почти все они были посвящены деяниям мужчин. Женщины в них воспринимались исключительно через их отношения с мужчинами и как бы уже исходно не имели возможности существовать самостоятельно. Я знала, что именно — в книгах — делают мужчины и как о них следует писать. Но как только речь зашла о женщинах, о том, что они делают и как об этом следует писать, в моем распоряжении оказался лишь собственный жизненный опыт — не сертифицированный и не одобренный Великим Консенсусом Критиков, не прошедший цензуры со стороны Литературного Канона, и я нагло осмелилась пропихать свое соло в противовес повсеместно доминирующему хору мужских голосов, звучащих почти в унисон и поющих исключительно о мужчинах.

Ох, да ладно! Неужели я говорю правду? Разве я не читала Джейн Остин? Или Эмилию Бронте? Или Шарлотту Бронте? Или Элизабет Гаскелл? Или Джордж Элиот? Или Вирджинию Вулф? Или многих других женщин, давно вынужденных умолкнуть и писавших как о женщинах, так и о мужчинах? Их голоса все чаще вновь начинали звучать и в печати, и в жизни. И путь мне указывали как они, так и современные мне писатели-женщины. Да и мне самой давно пора было научиться писать, опираясь на собственные мысли и проявления собственного тела и в полном соответствии со своей гендерной принадлежностью, — короче, заговорить своим, женским голосом.

Главная героиня «Гробниц Атуана» — девушка, и все происходящее воспринимается ее глазами. Однако в этой книге Ара-Тенар еще только-только вышла из подросткового возраста и в настоящую женщину еще не превратилась. В 1970 году и у меня не возникало ни малейших проблем с созданием образа девочки-подростка, почти ребенка; я писала «Гробницы Атуана», основываясь на собственном опыте. Но вот чего я ни тогда — ни даже в 1990 году! — сделать так и не сумела: изобразить в качестве центрального персонажа романа зрелую женщину.

Как ни странно, но потребовалась именно маленькая девочка, которая и смогла указать мне путь к созданию четвертой книги о Земноморье. Девочка, рожденная в нищете, изнасилованная, искалеченная и брошенная умирать. Именно она, Терру, и привела меня снова к Тенар; именно она дала мне возможность увидеть, какой женщиной Тенар стала. И я наконец сумела посмотреть на Земноморье глазами взрослой Тенар — нет, Земноморье не изменилось, оно осталось тем же, что и восемнадцать

лет назад, но мне оно теперь показалось совсем иным миром: ведь я воспринимала его уже не с позиций мужского могущества и не с точки зрения облеченных властью мужчин. Тенар смотрела на окружающий мир, находясь на самой низкой ступени местной иерархии, и воспринимала его как маргиналка, как простая женщина, лишенная права голоса и не имеющая никакой власти.

Эссе «Земноморье, пересмотренное и исправленное», включенное в этот том, посвящено как раз тогдашней перемене моих взглядов. Когда вышел роман «Техану», многие критики и читатели восприняли его как некое проявление определенной гендерной политики и отвергли, сочтя это предательством по отношению к традиции романтического героизма. Однако, как я и попыталась объяснить в моем эссе, для меня предательством как раз было бы нежелание менять прежнюю точку зрения. Сделав женщин настоящими главными героями своих произведений, я обрела куда более широкое понимание того, что есть героизм, и отыскала верный и такой желанный путь назад, в *мое* Земноморье, которое теперь представлялось мне миром куда более обширным, странным и загадочным, чем когда-либо прежде.

Хотя роман «Техану» и назван по имени маленькой девочки, ни эта книга, ни две последующие ни в коем случае не являются «книгами для детей» или, точнее, «для детей среднего школьного возраста». Я давно отказалась от попыток приспособить свое видение Земноморья и к этой издательской категории, и к предрассудкам критиков. Мнение, что фантастика существует только для «лиц, не достигших зрелости», связано с упорным нежеланием разобраться в таких понятиях, как зрелость, воображение и фантазия. А потому, поскольку мои главные протагонисты все больше старели, я решила полностью довериться своим молодым читателям, которые по собственному выбору могли либо следовать за героями моих произведений дальше, либо перестать интересоваться их судьбой. В помешанном на связях с общественностью издательском мире подобный шаг был связан с серьезным риском, и я очень благодарна тем издателям, которые решили рискнуть вместе со мной.

Но было в «Техану» и еще кое-что, чего даже я сама толком не понимала ни когда писала этот роман, ни когда он увидел свет. Мне казалось, что эта долгожданная и с таким трудом обретенная четвертая часть историй о Земноморье (придуманное мной лично название для нее сперва звучало как «Лучше поздно, чем никогда») и завершит повествование об отношениях Геда и Тенар. Собственно, именно это я и хотела сказать, дав роману подзаголовок: «Последнее из сказаний о Земноморье».

Никогда не говори «никогда»; никогда не говори «в последний раз»!

Почти десять лет я была уверена, что эти двое могут продолжать жить в мире и согласии, оставшись в доме Огиона на острове Гонт. Но тут меня вдруг попросили написать «еще один рассказик» о Земноморье, и мне стало интересно: смогу ли я вновь все это вспомнить? Но стоило мне только «заглянуть» в Земноморье, и я поняла, что должна непременно туда вернуться.

Между третьей и четвертой книгой нет практически никакого временного интервала; если «Техану» повествует о зрелых годах Тенар, оставшейся жить на острове Гонт, то дракон из конца романа «На последнем берегу» приносит Геда прямо в эту, следующую по порядку книгу. С другой стороны, время там, конечно, течет, как и в нашем мире. И в Земноморье явно многое изменилось. Мне непременно нужно было туда отправиться и выяснить, что там произошло с тех пор, как был коронован юный

Лебаннен. Кто стал Верховным Магом? Как сложилась судьба девочки Техану? Эти вопросы, естественно, повлекли за собой и другие, более широкие, — например, о том, кто мог и кто не мог заниматься магией; или о том, какова жизнь после смерти; или о природе драконов, — которые в первых четырех книгах толком не рассматривались, а мне очень хотелось во всем этом разобраться. Словом, дело оказалось не завершено.

В предисловии к «Сказаниям Земноморья» я предположила: «Единственный способ, с помощью которого писатель может исследовать историю несуществующего государства, — это попытаться рассказать о некоем конкретном событии и посмотреть, что из этого получится». Именно это я, собственно, и сделала в пяти новеллах, составляющих книгу, самой «исторической» из которых является «Искатель»; к этой же категории можно отнести и несколько кратких очерков, посвященных описанию Земноморья и дающих представление о его географии, истории и описательной антропо-драконологии. Эта пятая моя книга о Земноморье была воспринята как маргинальная, хотя на самом деле она носила интегрирующий характер. Последняя повесть (или новелла, или просто большой рассказ) «Стрекоза» является ключевой во всей истории о Геде и Тенар и служит связующим звеном между романами «Техану» и «На иных ветрах». Она как бы предвещает то, о чем будет говориться в последней книге: как и почему на острове Рок, в самом сердце премудрости и волшебства, все пошло не так; почему бессмысленна жизнь после смерти, если она обретена путем колдовской сделки; кто такие драконы и что они собой представляют.

Вскоре после того, как я написала новеллу «Стрекоза», я принялась за очередной, уже шестой роман о Земноморье. Я назвала его «На иных ветрах», и он явился мне, ничем не пытаясь объяснить свое появление, настойчиво, даже повелительно требуя своего письменного воплощения и окончания всей этой истории. Если к тебе является дракон и говорит: «Арв собриост!», что значит: «Залезай сюда!», вопросов ты не задаешь, а делаешь то, что велено, когда перед тобой возникает нечто вроде гигантских ступеней — сперва огромная когтистая лапа, чуть выше изогнутый узел локтевого сустава, а дальше выступающая лопатка. Ты поднимаешься по этим ступеням, чувствуя яростный жар, пылающий внутри драконьего тела, усаживаешься между широчеными крыльями, обеими руками вцепляешься в торчащий прямо перед тобой большой зубец на шее дракона, и вы взлетаете. И дракон, поднимаясь все выше и выше, несет тебя туда, куда вам обоим, тебе и ему, собственно, и нужно, и вы летите, летите, подхваченные иными ветрами и совершенно свободные.

*Урсула Ле Гуин,
февраль 2016 г.*

ВОЛШЕБНИК
ЗЕМНОМОРЬЯ

МОИМ БРАТЬЯМ —
Клифтону, Теду, Карлу

СОДЕРЖАНИЕ

1. Воины в тумане
 2. Тень
 3. Школа Волшебников
 4. Тень на свободе
 5. Дракон с острова Пендор
 6. Преследуемый
 7. Полет ястреба
 8. Охота
 9. Остров Иффиш
 10. Открытое море
- Послесловие

В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной
Пустынной, бескрайней...

Создание Эа

Воины в тумане

Остров Гонт — это, по сути дела, одиноко стоящая гора, вершина которой издали видна над бурными водами Северо-Восточного моря. Гонт славится своими волшебниками. Немало гонтийцев из высокогорных селений и портовых городов, вытянувшихся вдоль узких заливов, отбыло в иные государства служить властителям Архипелага: кто в качестве придворного волшебника, кто просто в поисках приключений, скитаясь по всему Земноморью от острова к острову и зарабатывая на жизнь колдовством.

Говорят, что самым великим из этих волшебников и уж во всяком случае величайшим из путешественников был некий гонтиец по прозвищу Ястреб-Перепелятник, в конце концов ставший не только Повелителем Драконов, но и Верховным Магом Земноморья. О жизни его повествуется в эпическом сказании «Подвиг Геда» и во многих героических песнях, но эта наша история — о тех временах, когда слава еще не пришла к нему и не были еще сложены о нем песни.

Он родился в уединенной деревушке под названием Десять Ольховин, примостившейся высоко в горах прямо над Северной Долиной. От деревни террасами к морю спускались пастбища и пахотные земли, а по берегам реки Ар, извивавшейся в долине, виднелись крыши других селений; выше был только лес, к вершине он уступал место голым скалам, покрытым снегом.

Имя, которое он носил ребенком, Дьюни, было дано ему матерью; и это единственное, кроме самой жизни, что она успела ему дать, потому что умерла прежде, чем мальчику исполнился год. Его отец, деревенский кузнец, бронзовых дел мастер, был мрачным, неразговорчивым человеком, и поскольку шестеро братьев Дьюни были значительно старше его и один за другим уже покинули родной дом, отправясь работать в другие селения Северной Долины — земледельцами, моряками, кузнецами, — в семье не осталось души, способной дать ребенку хоть каплю тепла.

Он вырос дикарем, словно мощный сорняк, этот высокий, быстрый мальчик, гордый и вспыльчивый. С другими деревенскими мальчишками он пас коз на крутых горных пастбищах у впадающих в реку Ар ручьев, а когда у него достало сил, чтобы раздуть большие кузнечные мехи, отец сделал паренька своим подмастерьем, и наградой ему служили колотушки да розги.

Однако особого толку от Дьюни не было. Он вечно где-то пропадал, скрывался, бродил по дальним лесам, плавал в омутах реки Ар, очень быстрой и холодной, как и все речки Гонта, или забирался по скалам и утесам на такую высоту, где лес кончался и можно было увидеть море — бескрайние северные воды, посреди которых самым ближним островом был Перрегаль.

В одной деревне с Дьюни жила сестра его покойной матери. Она присматривала за мальчиком, пока тот был совсем маленьким, однако у нее и своих дел хватало, так

что, едва ребенок смог как-то обходиться без помощи взрослых, тетка и вовсе перестала обращать на него внимание. Однажды, когда Дьюни было лет семь и он не успел еще ничего узнать ни о волшебстве, ни о колдовских силах, ни о магии, он услышал, как тетка не то плачет, не то поет, уговаривая своего козла слезть с тростниковой крыши избушки, и не успела она пробормотать какой-то стишок, как упрямое животное тут же спрыгнуло на землю.

На следующий день, когда Дьюни пас коз на лугу возле Верхнего Перевала, он крикнул им те самые слова, которые услышал накануне, совсем не ведая ни зачем они, ни что они значат:

Нот хирт мок мэн
хиолк хан мерт хан!

Он проорал стишок во все горло, и козы подошли к нему. Примчались со всех ног и беззвучно обступили, неотрывно глядя прямо в душу черными зрачками своих желтых глаз.

Дьюни засмеялся и громко повторил стишок, что давал над козами такую власть. Козы придвинулись еще ближе, толкаясь вокруг него.

И тут он почувствовал страх, так близко были их толстые острые рога, странные глаза, такая удивительная тишина висела вокруг. Мальчик попробовал убежать, вырваться из этого кольца, но козы по-прежнему держали его в плену, бежали следом, пока наконец все вместе они не добрались до деревни — плотное кольцо коз, словно связанных одной веревкой, а в середине этого кольца Дьюни, зареванный и орущий что было сил. Выбежали соседи и криками попытались разогнать коз, смеясь над незадачливым пастушком. Следом прибежала и тетка Дьюни; она смеяться не стала. Только что-то шепнула козам, и животные вновь принялись как ни в чем не бывало блять и щипать траву на лугу, освобожденные от заклятия.

— Пойдем-ка со мной, — сказала тетка Дьюни.

И повела его к себе в избушку, где жила совершенно одна. Дети сюда обычно не допускались, да они и боялись этого места.

Изушка была низкой, темной, без окон и вся пропахла травами, которые пучками были развешаны на просушку на центральной балке под крышей: мята, волшебная трава моли¹, тимьян, тысячелистник, «куриная слепота», водосбор, какие-то водоросли, «дьявольское копытце», пижма и лавровый лист. Тетка уселась у очага, скрестив ноги, и, искоса поглядывая на мальчика сквозь косые пряди черных волос, спросила, что именно он сказал козам и знает ли, что это за слова. Обнаружив, что он не понимает ровным счетом ничего, хоть и сумел заколдовать коз, заставив их слушаться и следовать за ним, тетка окончательно уразумела, что в ее племяннике заключена магическая сила.

Пока он был только сыном ее сестры, она не обращала на него внимания, но теперь, сама будучи ведьмой, она смотрела на Дьюни новыми глазами. Тетка похвалила мальчика и сказала, что может научить его другим стишкам-заклинаниям — какие ему больше понравятся: например, можно заставить улитку высунуться из раковины или призвать к себе ястреба из поднебесья.

¹ Траву моли Одиссей получил от Гермеса и, подмешав в напиток, одержал победу над волшебницей Киркой (Цирцеей). — *Здесь и далее примеч. перев.*

— О да, научи меня вызывать ястреба! — воскликнул Дьюни, уже совсем позабыв о том страхе, что нагнали на него козы, и с удовольствием слушая похвалы тетки своей сообразительности.

Ведьма сказала:

— Но если я назову тебе подлинное имя ястреба, ты никогда не должен говорить его другим детям.

— Честное слово, не скажу!

Она улыбнулась его невинной горячности:

— Что ж, будь по-твоему. Но раз ты дал мне слово, я тебя на слове и ловлю. Язык твой будет связан до тех пор, пока я не сочту нужным освободить его, но даже и тогда ты, хоть и обретешь снова дар речи, не сможешь произнести при ком-либо то слово, которому я тебя научу. Мы должны хранить тайны своего ремесла.

— Ладно, — сказал мальчик, ибо не было у него ни малейшего желания делиться какими бы то ни было тайнами с приятелями; наоборот, ему хотелось знать то, чего не знали они, и делать то, чего они сделать не могли.

Дьюни сидел спокойно, а тетка тем временем собрала свои патлы в пучок, застегнула пряжку на талии и снова уселась, скрестив ноги, бросая горстями в очаг какие-то листья, от которых повалил густой дым, заполнивший и без того темную избушку. Потом ведьма запела каким-то странным, переменчивым голосом — то высоким, то низким, словно ее устами пел кто-то другой, и пение это все продолжалось и продолжалось, пока мальчик не перестал понимать, во сне все это происходит или наяву, а рядом с ним безотлучно сидела черная ведьмина собака с красными от дыма глазами, которая ни разу даже не тявкнула, потому что не лает никогда. И тут вдруг тетка заговорила с Дьюни на каком-то непонятном языке и заставила его повторять за ней длинные заклинания и отдельные слова, потом наконец колдовство свершилось, и он застыл в полной неподвижности.

— Говори! — приказала ведьма, проверяя силу заклятия.

Говорить он не мог, но засмеялся.

Тут уж сама тетка испугалась заключенной в мальчишке магической силы: ведь это было самое сильное из ведомых ей заклятий. Она стремилась обрести власть не только над речью или молчанием Дьюни, но и связать его волю, обязать служить ей одной и помогать во всех ее колдовских деяниях. И все же, хоть заклятие подействовало, он засмеялся. Ведьма не сказала больше ни слова. Лишь обрызгала огонь в очаге чистой водой, чтобы окончательно погасить его, и разогнала дым; потом дала мальчику напиться. Когда же воздух совсем очистился от дыма и Дьюни вновь обрел способность говорить, тетка научила его тому единственно верному, подлинному имени ястреба, на которое лишь и должна отзываться эта птица.

Так Дьюни совершил свой первый шаг по очень долгому пути — длиной в целую жизнь, — которым теперь предстояло ему следовать. Путь этот привел его к погоне за страшной Тенью, и он попал в такие края, что лежат за неведомыми морями и простираются до самых границ темного царства смерти. Но пока что открывшийся перед ним путь казался ему светлой, широкой дорогой.

Когда Дьюни убедился, что стоит ему произнести подлинное имя сокола и тот камнем падает с небес к нему на плечо или садится на запястье, покачивая могучими крыльями, словно ловчая птица во время княжеской охоты, ему до смерти захотелось

узнать побольше таких вот настоящих имен, и он явился к тетке и стал молить ее назвать ему имена ястреба-перепелятника, скопы, орла и других хищных птиц. Для того чтобы выучить эти дающие власть слова, он готов был делать все, что ему велела ведьма, хотя далеко не все это было ему по душе.

На острове Гонт есть поговорка: «Слабый, как женские чары», но существует и другая — «Опасный, как женские чары». Обе они справедливы, а потому если колдунья из деревни Десять Ольховин и не обладала особой магической силой, да и вообще злой не была, но, хоть она и не знала общения с Древними Силами Земли, кое-каким колдовством все же владела и частенько использовала его для разных подозрительных дел и обмана, потому что была женщиной невежественной и жила среди темного, невежественного народа. Тетка Дьюни ничего не знала ни о Равновесии, существующем во Вселенной, ни о Великом Пути, который ведом настоящим волшебникам, преданным своему делу и никогда не произносящим без нужды ни единого слова Истинной Речи, не говоря уж о заклинаниях. У этой же непросвещенной женщины было готово заклинание на любой случай жизни, и вечно она плела какие-то козни. Колдовство ее по большей части, правда, оказывалось сущей ерундой и притворством, да она и не очень-то умела отличать настоящие заклинания от фальшивых. Зато она знала множество проклятий, и ей, например, гораздо лучше удавалось наслать на кого-то болезнь, чем вылечить ее. Как и все деревенские колдуны, она умела варить любовное зелье; впрочем, готовила она и другие, весьма, надо сказать, отвратительные напитки, разжигающие в человеке ревность и ненависть. Но об этом она предпочитала помалкивать и учила своего юного племянника честному волшебству — по мере сил, разумеется.

Сначала самым большим удовольствием для Дьюни, который был еще совсем ребенком, оказалась его магическая способность подчинять себе диких птиц и зверей. Честно говоря, этим своим умением он наслаждался всю жизнь. Деревенские дети, которые часто видели его на горных пастбищах в обществе зачарованной им птицы, прозвали его Ястребком или, точнее, Ястребом-Перепелятником; так приобрел он ту кличку, которой пользовался потом всегда, даже после того, как узнал свое подлинное имя.

Ведьма вечно твердила ему, что колдун может обрести над людьми неограниченную власть, сулящую славу и богатство, и он стал еще старательнее изучать колдовскую премудрость. И очень в этом преуспел. Тетка нахваливала его, деревенские дети стали его бояться, сам же Дьюни не сомневался, что скоро станет великим колдуном. Так, постепенно запоминая все новые и новые волшебные слова и заклинания, он выучился почти всему, что знала и сама ведьма: не так уж и много знала она, однако вполне достаточно для обыкновенной деревенской колдуньи, и более чем достаточно было этих знаний для мальчика, которому едва минуло двенадцать лет. Тетка рассказала Дьюни все, что знала о травах и траволечении, об умении отыскивать предметы, связывать живые существа волшебным словом и сбивать с пути, научила его раскрывать многие двери и некоторые тайны. Она рассказала ему все, что помнила из легенд о Великих Подвигах, спела ему все известные ей героические песни, назвала все слова Истинной Речи, которые узнала когда-то у одного колдуна. А у предсказателей погоды и бродячих фокусников, часто посещавших селения Северной Долины и Восточного Леса, мальчик научился всяким трюкам и забавным шуткам, а также — созданию иллюзий. При помощи одного из таких несложных заклятий он в трудный для селения час и показал, сколь велика волшебная сила, заключенная в нем от рождения.

Я хочу поблагодарить Урсулу за любезное разрешение проникнуть в ее воспоминания, покопаться в хранилище тех драгоценных подробностей, из которых она выстроила мир Земноморья и заселила его. Без этого проникновения в ее внутренний мир, без ее подсказки мне бы никогда не удалось нарисовать иллюстрации к этой книге. Целых четыре года мы прекрасно сотрудничали, создавая эту книгу, и наша дружба только укреплялась. И мне уже очень не хватает ее, моего друга Урсулы Ле Гуин.

*Чарлз Весс, 2018
Абингдон, Виргиния*